

УДК 316.74

Балич Наталья Леонидовна

кандидат социологических наук, доцент,

отдел региональной социологии,

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

n.balich@mail.ru

Natallia L. Balich

Candidate of sociological sciences, associate professor

Department of Regional Sociology,

Institute of Sociology of the National

Academy of Sciences of Belarus

n.balich@mail.ru

**Зарубежные теории конструктивизма и их применимость
к изучению религиозной идентичности**

**Foreign theories of constructivism and their applicability
to the study of religious identity**

***Аннотация.** В статье представлен обзор зарубежных концепций конструктивизма, обоснована их применимость к исследованиям религиозной идентичности. В системно-статистической теории конструктивизма (Б. Андерсон, П. Брасс, Д. Эллер, Р. Кохлан, Ф. Барт и др.) отрицается влияние естественных законов на процесс формирования идентичности, учитываются исторические, культурные, социальные, политические факторы. Религиозные, национальные, этнические общности рассматриваются как социальные конструкты, возникающие и функционирующие, благодаря целенаправленным усилиям со стороны людей. В завершении публикации автором сделан вывод об определяющей роли активного построения образов, представлений, значимых событий через индивидуальное познание индивидом социальной реальности, принимая во внимание когерентность культурных систем во взаимосвязи национального, этнического, религиозного факторов.*

***Ключевые слова:** религиозная идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность, конструктивизм.*

***Abstract.** The article presents an overview of foreign concepts of constructivism, substantiates their applicability in the study of religious identity. In the system-statistical theory of constructivism (B. Anderson, P. Brass, D. Eller, R. Cohlan, F. Barth, etc.), the influence of natural laws on the process of identity formation is denied, historical, cultural, social, political factors are taken into account. Religious, national, ethnic communities are considered as social constructs that arise and function due to purposeful efforts on the part of people. The conclusion is made about the decisive role of the active construction of images, ideas, significant*

events through the individual's knowledge of social reality, taking into account the coherence of cultural systems in the relationship of national, ethnic, religious factors.

Keywords: *religious identity, ethnic identity, national identity, constructivism.*

Среди различных теорий религиозной идентичности в современном социо-гуманитарном знании социологии ближе те, которые учитывают влияние социальной среды на формирование взглядов, предпочтений, убеждений, образа жизни индивида. Религиозная идентичность формируется и закрепляется в результате успешной идентификации, когда индивид соотносит и отождествляет себя с той религиозной группой или общностью, которую он воспринимает и оценивает в качестве своей.

Обращение к конструктивистскому подходу связано с его возможностями исследовать религиозную идентичность в качестве социального конструкта. «Конструктивизм» (от англ. Constructive – созидательный, творческий, строительный, конструктивный) развивался в различных направлениях социогуманитарных наук в 1960–70-х гг. Идейные основы конструктивизма представлены в теории П. Бергера и Н. Лукмана, обосновывающих идентичность как результат искусственного формирования, сконструированного в процессе целенаправленной деятельности индивидов, их социального взаимодействия, социальной активности и самопознания на протяжении всей жизни. Внимание авторов сфокусировано прежде всего на повседневной реальности и ее осмыслении индивидами, вступающими в социальное взаимодействие. Идентичность является социальным продуктом, возникающим из диалектической взаимосвязи индивида и общества [1].

Сторонниками конструктивизма (в отличие от примордиализма) отрицается влияние естественных законов на процесс построения идентичности, но в некоторой степени учитываются исторические, культурные, социальные, политические факторы. Главная роль в формировании религиозной идентичности принадлежит активному построению образов, представлений, значимых событий через индивидуальное познание индивидом социальной реальности.

Таким образом, идентичность – не данность, присущая изначально, а результат созидания. Конструктивизм основывается на выделении признаков (маркеров) общности, позволяющих отличить представителей одной религии или этноса от другого. В частности, этническими маркерами являются: внешний (физический) облик, название этноса, религия, язык общения и т.д. При этом этнические маркеры имеют общесоциальный, а не этнический характер, и их формирование зависит от социально-политической, экономической, культурной ситуации, в которой оказывается индивид.

Множество теорий конструктивизма условно делятся на три основные ветви:

- конструктивизм в узком смысле: язык, культура и способы категоризации мира;

- радикальный конструктивизм: коммуникация, самоорганизация, построение моделей мира;
- социальный конструктивизм: сообщество, дискурс и формирование идентичности [2].

Дифференциация конструктивизма на умеренный и радикальный не является общепризнанным подходом, но позволяет более четко обозначить внутреннюю разнородность интерпретаций, представленных в данном теоретическом лагере [3, с. 146].

В системно-статистической теории конструктивизм часто противопоставляется примордиализму. В основе религиозной идентичности – когерентность культурных систем во взаимосвязи национального, этнического, религиозного факторов (Б. Андерсон, П. Брасс, Д. Эллер, Р. Кохлан, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.). Религиозность, этничность рассматриваются в качестве социальных конструкторов и навязанной социальности, формируемых и закрепляемых под влиянием языка, реформаций, обращения к синкретизму, деятельности государства.

Б. Андерсон в книге «Воображаемые сообщества» связывал нации и национализм с трансформациями в универсальных культурных системах, к которым относил религию, язык, империю. Национальные и религиозные сообщества он описывал как воображаемые, культурные артефакты. Собирабельный образ национального сообщества является воображенным, поскольку представители даже самой малочисленной нации «никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них» [4, с. 47].

Великие сакральные культуры – исламская Умма (от Марокко до архипелага Сулу), христианский мир (от Парагвая до Японии), буддистский мир (от Шри-Ланки до Корейского полуострова), а также, конфуцианство олицетворяют собой представления о глобальных сообществах прошлого, которые являются основой религиозной идентичности и могли быть сформированы благодаря священному языку и скрижалям, реальность их зависела от идеи не случайности знака. В скрижалях запечатлена ценная информация о представлениях, событиях (датах) или явлениях, значимых для представителей определенной религии и культуры.

Идея Андерсона подтверждается историческими фактами запечатления священных текстов на скрижалях в христианстве и иудаизме (Скрижали Завета, согласно библейскому сказанию, представляли 10 заповедей-предписаний и были высечены на двух каменных скрижалях Богом и переданы Моисею); в исламе Хранимая скрижаль олицетворяет Божественное знание и предопределение для всего сущего, сотворенного Аллахом; в буддизме Нефритовые скрижали (Юйлибаочао) – памятники литературы, популярные «добрые книги» отражают китайские народные представления о загробном мире, являются наглядным поучением за нарушение норм буддийской морали (в настоящее время синтез буддийских, даосских и местных верований).

Привилегированной системой репрезентации религиозных идей и убеждений в рамках одной религиозной системы (христианство, ислам, буддизм) являются церковные языки – латинский, коранический арабский, экзаменационный китайский, через которые, согласно Б. Андерсону, постижима онтологическая реальность, поскольку эти языки, в отличие от национализма, пропитаны импульсом к обращению, природа человеческого бытия поддается сакральной обработке: «варвар становится подданным "срединного государства", рифф – мусульманином, а илонго – христианином» [4, с. 59].

Однако со времен позднего Средневековья спонтанная когерентность религиозно воображаемых сообществ постепенно угасала. *Первой причиной* данного явления Андерсон считал освоение неевропейского мира, которое в европейских и других странах привело к резкому расширению культурного и географического горизонта, а, соответственно, и представлений о существующих укладах человеческой жизни (что отражено в европейских книгах о путешествиях). В частности, венецианский христианин Марко Поло описал Кублай-хана, который, вступив в Кабалу и прожив там недолгое время, публично целовал священные книги (баронам и князьям, бывшим там, приказывал делать то же) в главные праздники христиан – на Пасху и Рождество, а также, в главные праздники сарацин, иудеев и идолопоклонников, выражая почтение четырем пророкам, которым молятся и которых почитают в мире. Смысл таких действий Кублай-хан видел в следующем: «Христиане говорят, что Бог их Иисус Христос, сарацины – Мухаммед, иудеи – Моисей, идолопоклонники – Согомом-баркан (Шакьямуни-бархан), первый бог идолов. Я молюсь и почитаю всех четырех, дабы тот из них, кто на небе старший воистину, помогал мне» [4, с. 62].

Второй причиной угасания спонтанной когерентности религиозно воображаемых сообществ Андерсон видел постепенное падение статуса самого священного языка (например, в средневековой Западной Европе латинский был единственным языком, которому обучали в то время) [4, с. 61–64].

Профессор политологии и международных исследований Вашингтонского университета в Сиэтле, специалист в области сравнительной и южноазиатской политики, этнической политики и коллективного насилия П. Брасс признавал изменчивость некоторых примордиальных привязанностей индивидов вследствие знания и общения на двух языках, смены языка общения без осознания какой-либо утраты, а также, утраты эмоционального чувства привязанности к месту рождения и родства вследствие массовой миграции. Религии, по мнению ученого, «не менее подвержены изменениям... под влиянием реформаторов, а также при массовых обращениях к синкретизму» [5, с. 37]. П. Брасс не отрицал возможности примирения теорий примордиализма и конструктивизма в том случае, если в основе различий между религиозными и этническими группами признать богатство культурных традиций, традиционных институтов и социальных структур [5].

В книге «Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison» П. Брасс на разнообразных многонациональных примерах с акцентом на Южную Азию, Восточную Европу и Советский Союз предлагает свою концепцию формирования этнической идентичности и современного национализма, в основе которой заложено суждение о том, что этничность и национализм являются социальными и политическими конструкциями, неразрывно связанными с деятельностью современного централизующего государства. Принадлежность к этносу, а также, такие явления, как национализм, межэтнические конфликты и сепаратистские движения, согласно теории Брасса, были основными силами, формирующими современный мир, а также структуру и стабильность современных государств [6].

Американские антропологи, социологи и конструктивисты Джек Эллер и Рид Кохлан подвергали критике идеи примордиализма, считали, что они не имеют отношения к социологическим исследованиям и не поддаются анализу, поскольку в данной теории примордиальные привязанности и чувства к общности предшествуют разным формам социального взаимодействия. Они являются невыразимыми, имеют эмоциональную, аффективную, биологическую природу, а значит, выносят примордиальные привязанности и чувства за рамки социально сконструированной общности на основе эмоций и уз. Среди различных эмпирических исследований они приводят множество примеров, доказывающих формирование «новых примордиалий», которые были социально сконструированы и подвержены обновлениям в соответствии с меняющимися условиями. Социобиологические объяснения примордиализма, по мнению Эллера и Кохлана, «становятся последним оплотом всякой попытки исследования, как и ее тупиком» [7, с. 192]. Поскольку термин «примордиализм» несоциологичен, неаналитичен и бессмыслен, Эллер и Кохлан в своих трудах выступили за исключение его из социологического лексикона.

Концепция этнических границ и причин их устойчивости норвежского социального антрополога Ф. Барта демонстрирует генеративный подход к изучению процессов, способствующих появлению этнических, религиозных групп и групп, поддерживающих их сохранность. Этничность, по Барту, – это форма социальной организации, которая проявляется в результате социальных и культурных процессов.

Выделив классические для социальной антропологии признаки этнической группы (этническая группа – замкнутое сообщество, в основе формирования идентичности – относительная изоляция, непринятие другого, разделение общества на «своих» и «чужих» и др.), Барт выдвигает ряд аргументов относительно неверности такого понимания. Он вводит понятие «границы этнических групп» и предлагает сфокусировать исследовательское внимание на взаимодействии и взаимообмене между этническими группами в ситуации культурного диалога, а не противопоставлении, отчуждении и изоляции. Важность такого видения Барт подкрепляет суждением, что устойчивость границ сегодня не является проблемой, а изолированность,

определяемая расовыми, культурными различиями и языковыми барьерами, лишь условна. Современный мир сложно представить из отдельных народов, организованных в такие сообщества, «которые в целях описания могут быть оторваны от целого и представлены как отдельные острова» [8, с.12].

Среди российских исследователей и теоретиков конструктивизма следует выделить В. А. Тишкова. Работая над Концепцией национальной политики Российской Федерации, разработчики, включая Тишкова, приняли решение вместо термина «нация» использовать понятия «народы», «национальности», «этнокультурные», или, «национальные общности» как синонимы, а не как жесткую иерархию. В Концепции с позиции конструктивизма формулируется понятие народа, общности людей, «члены которой разделяют общее название и элементы культуры, прежде всего, язык, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности» [9, с. 17].

Обзор зарубежных концепций конструктивизма показал, что, несмотря на преимущественное внимание исследователей к вопросам формирования этнической и национальной идентичности, конструктивистский подход применим в изучении религиозной идентичности. Он дает возможность исследовать религиозную идентичность в качестве социального конструкта, а индивида – как часть данной конструкции с учетом когерентности культурных систем во взаимосвязи национального, этнического, религиозного факторов.

Формирование религиозной идентичности происходит через активное построение образов, представлений, маркеров, значимых событий, а также через индивидуальное познание индивидом социальной реальности. Религиозные маркеры имеют общесоциальный характер, и их формирование зависит от социально-политической, экономической, культурной ситуации, в которой оказывается индивид.

В заключение можно сделать вывод о том, что методологический конструкт множественной идентичности может быть использован в изучении религиозной идентичности в контексте конструирования социальной реальности, однако, следует уделить внимание обоснованию значимости религиозной среды множества других идентичностей, конструируемых в процессе социального взаимодействия.

Литература:

1. Бергер П. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания* / пер. Е.Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Улановский А.М. *Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация* // *Вопросы психологии*, 2009. № 2. С.35–45.
3. Низамова Л.Р. *Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза* // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2009. Том XII. № 1. С.141–159.
4. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В.Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. М. : Кучковополе, 2016. 416 с.

5. Brass P. *Elite groups, symbol manipulation and ethnic identity among the Muslims of South Asia* // D. Taylor, M. Yapp. *Political Identity in South Asia*. Dublin : Curzon Press, 1979. P. 35–77.

6. Brass P. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. SAGE Publ. Pvt. Ltd; 1st edition, 1991. 360 p.

7. Eller J., Coughlan R. *The poverty of primordialism: the demystification of ethnic attachments* // *Ethnic and Racial Studies*, 1993. №16 (2). P. 183–202. URL:file:///C:/Users/User_914/AppData/Local/Temp/EllerandCoughlan--PovertyofPrimordialismdemystificationofethnicattachments.pdf. (дата обращения 10.02.2022)

8. Барт Ф. Введение // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. статей/ Под ред. Ф. Барта; пер.с англ. И. Пильщикова. М. : Новое издательство, 2006. С.9–48.*

9. Тишков В. *А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. Серия «Исследований по прикладной и неотложной этнологии» Ин-та этнологии и антропологии РАН. Док. № 100 ; В. А. Тишков (отв. ред.) [и др.]. М. : УОПИИ-та этнологии и антропологии РАН, 1996. 38 с.*

Literature:

1. Berger P., Lukman N. *Social construction of reality: a treatise on the sociology of consciousness* / per. E.D. Rutkevich. M.: Medium, 1995. – 323 p.

2. Ulanovsky A. M. *Constructivism, radical constructivism, social constructivism: the world as interpretation*. *Psychology issues*, 2009, no. 2, P.35–45.

3. Nizamova L.R. *Complex concept of modern ethnicity: limits and possibilities of theoretical synthesis* // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2009. Vol XII. № 1. P.141–159.

4. Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. M. : Kuchkovo pole Publ., 2016, 416 p.

5. Brass, P. *Elite groups, symbol manipulation and ethnic identity among the Muslims of South Asia*. In D. Taylor, M. Yapp (eds). *Political Identity in South Asia*. Dublin, Curzon Press, 1979, P. 35–77.

6. Brass P. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. SAGE Publications Pvt. Ltd; 1st edition, 1991. 360 p.

7. Eller J., Coughlan R. *The poverty of primordialism: the demystification of ethnic attachments*. *Ethnic and Racial Studies*, 1993, no. 16 (2), P. 183–202 URL:file:///C:/Users/User_914/AppData/Local/Temp/EllerandCoughlan--PovertyofPrimordialismdemystificationofethnicattachments.pdf. (date accessed 10/02/2022).

8. Barth F. *Introduction* // *Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences. Collection of articles / Ed. F. Barth; trans. from English. I. Pilshchikova. M.: New publishing house, 2006. P.9–48.*

9. Tishkov V. A. *Conceptual evolution of national policy in Russia. Series "Research on Applied and Emergency Ethnology" of the Institute of Ethnology and*

Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Doc. No. 100.M., EEP of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 1996.38 p.